

С.Е. Карманова (Ноева)

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.015

УДК 821.512.157'312.2

«Город на костях»: апокалиптические образы и мотивы Якутска в аспекте городского текста

Актуальность данной статьи продиктована необходимостью исследования культурного ландшафта Якутска на художественном материале якутской прозы XX в. как сегмента, в пределах которого наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира. В связи с этим научная новизна статьи очевидна: она состоит в необходимости осмысления одной из аутентичных и содержательных моделей якутского городского текста – модели «Города на костях», как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью и объединенных в единую художественную

© Карманова (Ноева) С.Е., 2020

систему. Изучение образа апокалиптического Якутска, не получившее по сей день детальной разработки в якутском литературоведении, аргументируется идеей об апокалиптическом городе, как одной из многочисленных моделей якутского городского текста, и базируется на большом художественном материале прозы П.А. Ойунского, Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, И.М. Гоголева, В.С. Соловьева-Болот Боотура, В.С. Яковлева-Далана, Е.П. Неймохова и др. Концептуально данная работа опирается на научные взгляды о локальных текстах, которые по своей сути понимаются намного шире городских, предполагая помимо городского текста также включение и «аласного» текста, и лиминального хронотопа, создающих художественные модели пространства, дополняющих друг друга и сливающихся в единый якутский текст. В контексте заявленной темы новой смысловой активностью преисполнено изучение *образа романного героя*, сознание которого чрезвычайно отзывчиво к модификациям окружающего ландшафта. Авторская позиция продиктована актуализацией проблемы самоидентификации человека в огромном урбанистическом пространстве, которое предстало в качестве экзистенциального порога, где в процессе определения личностных границ формируется ситуация выбора, создающая в спектре пространственных и аксиологических ориентиров понятия «своего / чужого», внутреннего / внешнего, светлого / темного и др. Особую, претендующую на новизну, трактовку получает в контексте данной статьи категория перевернутости, обосновывающая художественную организацию всего якутского мира, а точнее зеркальных положений города и аласа, композиционно-сюжетную основу произведений, весь спектр национально-поэтической образности. Учитывая ограниченный объем статейной публикации, понятие перевернутости рассматривается в пределах данной статьи в отношении амбивалентных образов пространства.

Ключевые слова: якутский городской текст, «Город на костях», перевернутый мир, уличная топология, экзистенциальная грань.

При исследовании городских текстов стоит обратиться к основным характеристикам, меткам-образам, составляющим неповторимый облик города, определяющим его избранность и претендующую роль на текстовость в ряду других локальных городских ландшафтов и, самое главное, обуславливающим характер подхода к изучению данного текста. Методология подхода к изучению городского текста определяется выстраиванием определенной модели анализа, где центральную роль играет выделение структурообразующих характеристик, признаков, составляющих уникальный портрет провинциального города Якутска и определяющих его исключительную статуальность в ряду других городских ландшафтов.

Исходя из проблемы национальной идентичности в контексте «якутского» текста закономерно выделение культурной модели «город / село» в аспекте системы бинарности, где активную роль играет контаминация понятий *открытости / закрытости, своего / чужого, центра / периферии, света / тьмы* и пр., которые образуют разноструктурные модели репрезентации.

И поэтому должны учитываться несколько позиций, составляющих аутентичный образ данного топоса:

- место Якутска в пространственной картине мира, который сохраняет статус северной столицы в самой далекой холодной точке мира как «города на краю», «города на вечной мерзлоте», «города-призрака»;

- своеобразная роль Якутска (города как экзистенциального порога), единственного крупного города на большой территории республики (малые и молодые города не рассматриваются нами как культурные пороги) в определении границ ментального ландшафта, довольно четко выявляющего социальные позиции, которые играют большую роль в идентификации современного человека Якутии: горожанина-сельчанина, коренного-приезжего, интеллигента-необразованного, саха и человека иной национальности и пр., и создающего интересные психологические портреты в литературе;

- большая роль в формировании взглядов на окружающий ландшафт, национальных представлений о пространственной картине мира, обусловленных генетическим экзистенциальным опытом народа-кочевника, а также обусловленность мировосприятия национальным начальным нулевым временем, определявшим специфику аласного сознания;

- уровни восприятия города, Севера человеком, которые определяются его прикрепленно-

стью к пространству: город как родной топоним или город как чужое пространство.

Ткань якутского городского текста образуется из следующих художественных элементов, создающих основу северной ментальности: *город, центр, река, острог, улицы, снег, лед, холод, туман, дорога, край, даль, грех, смерть, свобода, бесконечность, вечность* и т.д., которые, детерминируя процесс порождения текста, активно участвуют в процессе формирования особого пространства города Якутска.

Исследование якутского городского текста предполагает изучение следующих составляющих:

- хронотопической системы города, а также прилегающих образов пространства (аласный хронотоп, лиминальный хронотоп, мифологический хронотоп и т.д.);

- топологических реалий (улицы, дома, Кружало, рынки, игровые дома, автовокзал, парк, университет и др.);

- системы лейтмотивов, аккумулирующих в единое смысловое целое городской текст Якутска (мотивы пути, поиска, инициации, трансформации Я героя, смерти и др.);

- системы архетипов (река Лена, Зеленый луг, Чочур Мыраан, озеро Сайсары, башня Тыгына и др.);

- образа героя (приезжий купец, городские девушки, богачи, меценаты, арестанты, узники и др.).

Исследовательский интерес к якутскому городскому тексту определяет цель данной статьи – анализ репрезентации концептов *смерти* и *края*, апокалиптических мотивов, разбор их функциональной роли, ставших ключевыми для якутского городского текста и формирующих один из интересных аспектов в якутской прозе XX в. – геопоэтическую модель «*Города на костях*».

Вслед за работами по поэтике географических пространств, в которых транслируется методология текстологического подхода к культурным феноменам города, в определении методологических принципов анализа «апокалиптического города» в якутском тексте имеют концептуальное значение научные позиции В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, З.Г. Минц, Т.В. Цивьян, Б.М. Эйхенбаума и многих др. Методологические характеристики

пространства, предпринятые в отношении «петербургского текста», в котором значительное место отводится исследованию образов и мотивов апокалиптического города на Неве, вполне могут быть применены и относительно якутского городского текста.

Апокалиптические прогнозы, касающиеся будущего города, неизменно рассматриваются в связи с описаниями больших катаклизмов (пожары, наводнения, голод, захват врагами, эпидемии и пр.). В истории человечества известны многие города, столкнувшиеся со страшными бедами и катаклизмами (Троя, Рим, Помпеи, Хиросима, Молога, Припять, военные заброшенные городки и др.), в судьбах которых в какой-то мере можно увидеть параллель с библейскими Содомом и Гоморрой. Обречение на смерть как злой рок, постоянно витающий над городом, может быть применено к судьбам многих древних городов (вспомним выражение «Карфаген должен пасты»). Тема гибели человечества от природных катаклизмов (холода, извержения вулкана, эпидемий), вторжения инопланетных сил или техногенных катастроф, успешно становящаяся кинематографическим материалом разных жанров, адаптируется обычно именно к апокалиптической судьбе больших мегаполисов.

В дополнение к всемирно известным судьбам городов-призраков можно упомянуть печально известную историю забытого в глубокой якутской тайге мертвого города Зашиверска, уничтоженного оспой, в части которого прослеживаются многие апокалиптические мотивы (предзнаменование, греховность жителей, разлука влюбленных, смерть, страшный суд, забвение и т.д.).

Якутск, расположенный на периферии, часто воспринимается как самый северный, самый «холодный город», «ледяной город», «город-призрак», «город в тумане», «город во мгле», «мертвый город» и пр. И в этом плане достаточно интересным объектом для современных исследователей является образ Якутска, как одного из крупных и старых городов Сибири, стоящего на вечной мерзлоте, издавна ассоциировавшегося с географической далью, темнотой и физическим холодом. Прикрепление за Якутским краем статуса страны каторги, тюрем, лагерей с конца XVI в. только способствует ут-

верждению образа темного и мрачного, самого северного города. Вообще, надо отметить, что Сибирь, расположенная «на краю» культурного пространства, всегда характеризовалась как страна мертвых. Как отметил В.И. Тюпа, «хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представляет ее страной холода – зимы – ночи (луны), то есть смерти в мифологическом ее понимании» [Тюпа, 2009, с. 255].

Город у реки Лены с самого его основания связан с мифом о потопе (известно, что место основания города переносилось трижды, т.к. каждый раз город затапливало рекой), и потому отсылающий к борьбе со стихией (рекой, холодом, жарой) мотив конца (края, обреченности) становится главным лейтмотивом в создании культурного портрета Якутска. Постоянными элементами городского ландшафта помимо этого становятся туман и мгла (тьма), покрывающие Якутск почти полгода и наполняющиеся экзистенциональной нагрузкой при оформлении образа человека в городе, всегда стремящегося в поисках себя выйти из объятий мглы.

Характерные свойства города-тюрьмы типологически могут быть обозначены в таком виде:

- локации *тюрьмы, психиатрической больницы, публичных домов, кабаков, ночных клубов, криминальных районов* и т.д., всегда территориально связанные с темной стороной городского пространства, а также *кладбищ, крематориев* и т.д., составляющих урбанистический облик «Города на костях», чему способствует реальная окруженность города Якутска многочисленными кладбищами, погостами и буквально построенными на них жилыми домами;

- персонажи городского пространства: *студенты, горожане, рабочие, безработные, бродяги, пьянчуги, хулиганы, проститутки* и др., усиливают индекс фатальности города, способствуя превращению его в минус-пространство, где преобладание болезней, преступлений, упаднического настроения, стресса и т.д. формирует типичное городское явление – хаос (беспорядок) – основу апокалиптического состояния.

В противоречивом образе города усматривается внутренняя борьба, духовный конфликт человека. Город представляется в качестве темного леса или лабиринта, вовлекающего его своими тесными грязными улочками в неизвестность, темноту или тупик. Уличная топология

как основная составляющая «города-лабиринта» представлена в различных образах – это *улочки, улицы, переулки, перекрестки, закоулки, обочины, тупики*.

Уровень мрачности и странности данного топографического пространства усиливает также восприятие Якутска как «Города на костях», построенного на нескольких кладбищах и погостах. Известно, что территория современного города стоит на шести городских кладбищах (Спасского некрополя, Никольского некрополя, Богородицкого некрополя, Еврейского кладбища, Мусульманского кладбища, кладбища «Мучин Крест») и четырех погостах (у Троицкого собора, у Предтеченской церкви, у Преображенской церкви, у Тихвинской церкви). О том, что на месте старых кладбищ и церковных погостов с течением времени строились площади, улицы, возводились дома, разраставшиеся в целые кварталы, писал П.П. Петров [Петров, 2002, с. 19–21]. К примеру, на месте кладбища, заброшенного и снесенного, находившегося приблизительно на перекрестке улиц Дзержинского и Лермонтова и далее, в 50–60-е гг. XX в. были построены многоэтажные дома. Также известно, что целый квартал, расположенный на улицах Тургенева, Октябрьского, Лермонтова, включая территорию нынешнего городского парка, построен над захоронениями и продолжает строиться.

Возведение многоэтажных домов буквально на костях (на старых кладбищах, могилах известных людей) становится олицетворением внутренней противоречивости человеческой природы, обеспечивающей многоплановость в его возможностях адаптации к окружающему миру.

Многочисленные трагические судьбы и истории с ними связанные, перешедшие по истечении времени в статус городских легенд, укрепляют имидж Якутска в качестве города, окутанного тайнами, усиливая уровень мрачности и загадочности. К примеру, в народе долгое время ходили слухи о том, что могила классика якутской литературы, талантливого писателя Н.Д. Неустроева находится прямо под крыльцом магазина у Никольской церкви. Горожанам известна также легенда, по которой над местом, где, возможно, захоронена Анна Бестужева, статс-дама Екатерины I, приговоренная за возможное участие в заговоре к урезанию языка и

вечному поселению в Сибири, пролегает автомобильная трасса. Известны случаи, когда историко-культурные памятники, в т.ч. могилы (арангасы) почитаемых в народе людей, уничтожались во время строительства дорог и прокладывания труб. История Троицкого собора, ставшего в советское время якутским клубом, далее театром эстрады также представляет двойственную суть промежуточного пространства города, где смерть и жизнь, тьма и свет, слезы и смех, как конфликтующие и в то же время взаимодополняющие друг друга бинарные оппозиции, подчеркивают брэнность бытия и абсурдность человеческой жизни.

В художественной литературе наиболее близко к воплощению апокалиптического мотива «конца», «страшного суда» стоят образы *тюрьмы, психиатрической больницы, игорных домов, публичных домов, кабаков, ночных клубов, кладбищ, крематориев* и т.д., всегда территориально связанные с городским пространством. Реализация данных топосов как инвариантных образов железного города встречается довольно часто в литературных произведениях XX в. Начиная с описаний сибирских каторг, образ «тюрьмы без решеток» (сюда включается также семантически близкая к концепту *обреченности* и *смерти* Оймяконская трасса, известная как «дорога на костях») закономерно закрепляется за Сибирью и составляет одну из больших проблемно-тематических областей русской литературы. Концентрационные лагеря как города-призраки прочно вошли в ряд топологической символики в произведениях Ф. Достоевского, В. Шаламова, А. Солженицына, А. Синявского, Е. Гинзбурга, Э. Кочергина и др., став воплощением экзистенциального зла.

Включение городских образов в перспективу художественного текста якутскими исследователями почти всегда применяется в аналогии с мотивом экзистенциального перехода образа героя в пограничное состояние [Бурцева, 2014; Кириллина, 2014; Мыреева, 2014; Окорокова, 2001].

Смыслообразующая роль закрытого топоса реализуется исходя из народных представлений о тюрьме как подземелье (землянки, клетки, пропасти, ямы, могилы) и актуализирована далее в литературе в качестве места смерти / временной смерти. Параллель с мифологической

страной мертвых или нижним миром абаасы в культуре саха можно отметить и в ряде произведений якутских писателей, где тюрьма может быть интерпретирована в качестве дьявольского мира.

Еще в романе «Сааскы кэм» («Весенняя пора», 1944) Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыяа одними из первых в якутской прозе были намечены специфические признаки, свойства, характерные для темной, негативной стороны городской жизни. Городской ландшафт в первую очередь ассоциируется с понятием хаоса, который выражается в таких топографических характеристиках, как *«аат дойдута»* ('городской ад'), *«ыысна куорат»* ('трусоба'), *«сүпсүлгэн»* ('суматоха'), *«куугун-хаабын»* ('шум-гам'), *«күөрэ-ланкы»* ('бардак'), *«үлэннэс»* ('многолюдье').

В романах «Хара кыталык» («Черный стерх», 1977; 1982; 1988), «Иэйэхсити кэлэтии» («Богиня милосердия», 1993), «Үһүс харах» («Третий глаз», 1999), «Манчаары» (2001) И.М. Гоголева-Кындыла нижний мир (мир абаасы) существует в романном хронотопе в качестве страшного города и в большинстве случаев реализуется посредством архетипов психиатрической больницы, тюрьмы. Психиатрическая больница, представленная как символ государства, управляемого деспотом-руководителем, является одним из основных геотопических реалий романа «Богиня милосердия». Главным героем она определяется как «дом печали» по аналогии с «Мертвыми домами» Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова, «Палатой № 6» А.П. Чехова и др.

Описание Охотской тюрьмы, куда был выслан Манчаары в романе «Манчаары», дается писателем особо эмоционально, красочно. В тексте отмечается достаточно много упоминаний о железных дверях, цепях, кандалах, нарах, решетках – основных атрибутах дьявольского нижнего мира. Даже сторож этого злополучного места является бывшим кузнецом, мастером железа *«Манна баламат, кырыктаах ата-бастабыл, быдьар үөхсүү бэл халлааны ыыбыччары киэптээн турарга дылы, бэл халлаан ону тулуйбакка ынчыктыырга, намтаабыкка, лүңкүрбүккэ дылы... Оо, хаайыы, хандалы дойдута!»*. (*Беспросветная жестокость, издевательство, грязная ругань как будто заполнили*

все пространство. Даже небо стонет и становится ниже, не вынося этого... О тюрьма, страна кандалов!» (здесь и далее пер. наш. – С.К.(Н.)) [Гоголев, 2001, с. 198].

Дом инвалидов и дом сумасшедших в романе «Иэйэхсити кэлэтии», где находят последнее пристанище обездоленные, отвергнутые «здоровым» обществом больные люди, превращаются в метафору всего общественного устройства: «*Быһата, мин киирбит амырыын дьизм иирээкилэр олорор дьизлэрэ эбит этэ! Иин иһин өгөйөн көрөр курдук этим тарда-тарда ол дьизбэ киирбитим*». ('Страшный дом, порог которого я переступил, был психиатрической больницей. Я вошел туда и как будто глянул вниз в темную могилу, темную бездну') [Гоголев, 1993, с. 110]. Замкнутое пространство усиливает ощущение ограниченности человеческой жизни, разума, души и может быть интерпретировано как «пещера», «могила», вхождение в него на разных уровнях символизирует «смерть», а выход определяется как преодоление отчужденности от мира, от окружающих людей, воскресение, перерождение.

В некоторых произведениях якутской литературы город представляется в качестве страшной чужой периферии, находящейся за гранью (границей), – функцию рубежа реализует образ реки Лены, территориально делящей пространство Центральной Якутии точно поровну – на восточную («илин энэр») и западную («арбаа энэр») части. Расположенный на западной стороне долины Туймаада у берега могущественной Лены город Якутск постоянно находится на краю экзистенциальной бездны, которая наиболее явственно ощущается при пересечении «аласным» человеком черты своей родной среды. При вступлении в чужое для него городское пространство человек в полной мере испытывает разрушающее влияние глобализации. Якутск как портал, открывающий для человека светлые и темные стороны жизни, становится олицетворением двойственности мира и получает наиболее яркое воплощение при отражении духовного кризиса общества в контексте промежуточности – ментального порога.

Непоследовательно складывающаяся в единую схему карта дореволюционного Якутска раскрывается в облике «страшного мира» для вступающего на его территорию человека в ро-

мане В.С. Соловьева-Болот Боотура «Уһуктуу» («Пробуждение», 1987). Путь Ийичит Николая в Якутск, во время которого город предстал как пространство ирреальное, закрытый локус, где главный герой почувствовал ограничение во всех смысловых вариациях – это и ограничение человека в физическом пространстве, и отчуждение его нравственно-духовных потребностей.

Якутск для селянина становится пространством, состоящим из структур, алогически выстроенных, непонятных, чужих, чуждых. Локация города, реализованная из гомогенных понятий грязи, убогости, узости, тесноты, серости, оппозиционирует природной географической реалии аласа (чистой, сверкающей, широкой, цветущей). В романе В.С. Соловьева-Болот Боотура, как и в трилогии И.М. Гоголева, также возникает прямая аналогия со страшным нижним миром из эпоса олонхо (*барбатах балык минин курдук бадыа-бүдүө дойду 'сумеречная страна, похожая на недоваренную рыбную уху'*). В отношении топоса города, который на сей раз выполняет функцию нижнего мира, употребляются такие качества пространства, как бесцветный, серый, тусклый, невыразительный, туманный, неясный, темный и пр.: «*Оттон Улуу Туймаада унаар-манган килэрийэр киэн эйгэтэ быллыттаах түүннү түүппэбирбит халлаанга итэ-сабата көстүбэт, аам-даам дойду буолан көһүннэ*». (*Широкий простор Великой Туймады в туманную ночь показался необъятной мглой*). «*Көбөрбөтөх мастаах-оттоох, көстүбэтэх күннээх-ыйдаах, барбатах балык минин курдук бадыа-бүдүө дойду*» – *диэн обонньор олонголоотобуна, үс үтүгэн түгэбин маннык хоһуйар буолара. Онон дьулаан дойду диэх курдук өй охсулунна*» ('Старик, когда сказывал олонхо, нижний мир повествовал в качестве мрачной страны с тусклой растительностью, незримыми солнцем и луной. Поэтому в сознании старика промелькнула мысль: страшный город') [Соловьев-Болот Боотур, 1987, с. 392] (пер. наш. – С.К.(Н.)).

Мир городского топоса создает активные ассоциации с чувством тревоги, безысходности, одиночества: запах нечистот, пыли, грязи, немытых помещений; недружелюбное отношение городских жителей; образы картежников, пьяниц, бездомных людей; причудливые формы городских построек; тревожная ночь в гостинице,

неразбериха в городе, связанная с бунтом политссылных, и т.д. пугают и отталкивают сельского жителя.

Перевернутость как способ мировидения становится определяющей в отношениях человека и города. В литературе периода 80–90-х гг. XX в., представленной прозой В.В. Яковлева, В.Н. Гаврильевой, Э.Д. Соколова, В.Н. Титова, Е.П. Неймохова, Н.А. Лугинова и др., Якутск выступает как место экзистенциального порога, в осмыслении которого усиливается художественная рецепция перевернутости.

Присущие старому Якутску пространственные образы по-новому актуализируются в современном художественном ландшафте города. Один из образов-маркеров гео-ядра Якутска озеро Сайсары из сакрального «Саргылаах Сайсары» трансформируется в прозе конца XX в. в криминальный район Сайсар. Или «автовокзал» – одна из основных топологических реалий советского счастливого Якутска – в прозе Э.Д. Соколова (роман «Буруйдаах» («Винный»)), Е.П. Неймохова (повесть «Сайсары күөлгэ түбэлтэ» («Случай на озере Сайсары»)), И.М. Гоголева (роман «Иэйэхсити кэлэтии» («Богиня милосердия»)) превращается в пристанище бомжей и алкоголиков: *«Бу син обургу куоракка мин туспар ыт уйатын саба хос көстүбэтэбэ. Онон сайын устата вокзалга хонуктуу сылдыбытым. Санаабын аралдытаары, күнү-дьылы да бараары күнүс пивной бар диэн умсулбаннаах араас утабы атыылыыр тэрилтэбэ олорон тахсарым. Дьэ онно араас дьону көрсөбүн»*. (‘В этом маленьком городе для меня не нашлось маленького уголка. Поэтому мне пришлось ночевать на вокзале. Чтобы как-то скоротать длинные дни и разобраться с мыслями, приходилось просиживать у пивного бара. Там я встречал всяких людей’) [Гоголев, 1993, с. 222].

Образы, оторванные от аласа, оказавшиеся в «перевернутом» мире города, начинают реализовывать нетипичную для них поведенческую модель маргинальности, подразумевающей «неопределенность социального положения, утрату оснований четкого самоопределения и отсутствие социальной поддержки» [Ильмухин, 2014, с. 78]. Исходя из этой социальной ситуации в прозе конца XX в. центральными становятся проблемы поиска места в окружающем мире, самоидентификации человека в сером механисти-

ческом ландшафте города, наполненном обезличенными, поверхностными, циничными отношениями между людьми. Разрушение собственного Я, характеризующееся изменениями в характере, поведенческих особенностях человека, склонностями к депрессивным, суицидальным типам поведения, находит своеобразное художественное оформление в произведениях писателей.

Якутск, меняющий свое лицо по мере смены социально-культурных эпох, из Счастливого Якутска (Дьоллоох Дьокуускай) 50–80-х гг. XX в. трансформируется в город апокалиптический. Присущие старому Якутску пространственные образы по-новому актуализируются в современном художественном ландшафте города. К примеру, один из образов-маркеров гео-ядра озеро Сайсары из сакрального «Саргылаах Сайсары» трансформируется в криминальный район Сайсар. Или «автовокзал» – одна из основных топологических реалий советского счастливого Якутска – в прозе 90-х гг. XX в. превращается в пристанище бомжей и алкоголиков.

В ряду пространственных образов одна из знаковых ролей отводится уличной топологии, представляющей беспорядочность и разнонаправленность (в виде многочисленных *улочек, улиц, переулков, перекрестков, закоулков, обочин, тупиков*). Эта бесконечная и хаотическая субстанция, почти всегда уводящая человека в неизвестность, имеет смыслообразующее значение в состоянии героя – уход в измерение «пустоты» (в Никуда) в противоположность дому, неопределенность в жизни становятся генерирующими состояниями человека, для которого постоянным топологическим пространством оказывается улица.

Город представляется в качестве темного леса или лабиринта, увлекающего человека своими тесными грязными улочками в неизвестность, темноту или тупик: *«Дьэкиим, куоракка маннай киирдэбин утаа, билбэт халын сийин ортотугар мунан хаалбыт курдук, арыт илини-арбааны араарбат буола алаадыан хаалара. Хороспут хоруобуйалаах ампаар дьыэлэр үргүлдү бара турар дьапталба олбуордарыгар, соробор буор сыбахтаах балаҕаннар, хотоннор, эбэтэр сарайдар күрүөлэригэр-хаһааларыгар иннитэлээн, ааһар үүтү-ааны булбакка тэнттик-мунтук хаамара. Арыт мунгурданан хаалар холлорооннор, кыбычааннар*

устун баран төннөрө». (*Первое время в городе Ефим ощущал себя заблудившимся в густом лесу. Не находя выхода из-за бесконечных стен высоких амбарных построек, нескончаемых за-городей юрт, сараев и хлебов, плутал весь день, теряясь в узких лабиринтах и тупиках города*) [Соловьев-Болот Боотур, 1987, с. 220] (пер. наш. – С.К.(Н.)).

Перемещения персонажей улиц отличаются отсутствием определенной цели, в отличие от динамических характеристик «героя пути», стремление которого всегда наполнено смыслом. Семантика слов, определяющих уличных людей (уулусса киһитэ 'уличный человек', хаамаайы 'бродяга', кэридэх 'бродяга', атах балай киһи 'бездомный', устугас 'скитающийся'), имеет негативный оттенок, акцентирующий в первую очередь на характере их пути – неосознанном, безответственном, пустом и непонятном.

Город становится местом пограничным, куда стремятся люди, оказавшиеся в пороговой конфликтной ситуации (человек, не нашедший свое место в сельском социуме, якутском түөлбэ, становится постоянным персонажем, прикрепленным к городским реалиям – больницам, улицам, тюрьмам, гостиницам, трактирам, кабакам, домам терпимости и т.д.).

Поглощение городом людей, утрачивающих здесь свою индивидуальность и превращающихся в безликую человеческую массу, «уличных людей», становится одной из основных экзистенциальных проблем еще в произведениях первых писателей. Про Николая Дорогунова (повесть «Дойду оҕото Дорогуунап Ньюкулай» П.А. Ойунского), в основном топологически прикрепленного к городу, говорится, что он до некоторых пор являлся городским оборванцем, уличным нищеводом («*Дьокуускай бардаатын баранааба, ыалын хоруоскаһыта, улууссатын илэчиискэтэ*») [Ойунский, 1993, с. 60]. В данном случае ратифицируются перевернутые роли персонажа, дуальная сущность человека, раскрываемые преимущественно в рамках городской обстановки.

В романистике И.М. Гоголева-Кындыл выход на улицу аналогичен духовному кризису человека, который находится в состоянии поиска. Городская улица для Хобороос есть не просто место действия или фон, на котором всегда появляются странные персонажи, происходят не-

понятные события, это символ механического мира, превращенного в случайный, непознаваемый хаос: «*Кини сайда илик өйүгэр куорат диэн туох эрэ ынырык дойдута... Бэл ото-маһа суох, курулас кумах үһү... Тугу барытын уу харчыга атыылаһан аһыыллар үһү... Таһырдыа табыстахха дьон кымырдабас курдук кыйманнас үһүлэр...*». (*Для ее ограниченного сознания город представлялся в качестве некоего страшного места... Говорят, там даже и растений- то нет, кругом песок да и только... Все покупается за деньги... И, говорят, когда выходишь на улицу, людей столько, сколько муравьев в муравейнике...*) [Гоголев, 1977, с. 260] (пер. наш. – С.К.(Н.)).

Город как экзистенциальный порог становится местом контраста, подчеркивающим кризисные состояния мира и человека, где не могут быть в полной мере реализованы человеческие потребности, и потому он может восприниматься в качестве места экзистенциальной грани (края), где порождается множество проблемных ситуаций.

Погружаясь в пространство города, человек начинает подчиняться его законам – динамика есть основное качество человека, пребывание которого на улице всегда должно быть наполнено смыслом: «*Уулуссаба соботобун хайдах таах туруоххунуй, кэм тугу эмэ гыммыта буоллахына сатанар*». (*На улице так просто не будешь же стоять. Надо попытаться чем-то заняться*) [Данилов, 1973, с. 48] (пер. наш – С.К.(Н.)). При отсутствии четкой цели у человека он превращается в устугас ('скитающийся'), хаамаайы ('бродяга'). То есть улица как одна из значимых городских локаций подчиняет своей энергии все, что находится на ее территории.

Выход на улицы как способ отражения состояния героя в современной прозе становится определяющим в отношениях человека и города. В литературе конца XX в. Якутск выступает как место экзистенциального порога, и улица как основная топологическая единица начинает функционально преобладать над другими смыслами города. Среди оксюморонных образов, типичных для урбанистического топоса, выделяются «уличные» субъекты (уулусса киһитэ): праздношатающиеся, бродяги, жулики, картежники, воры, авантюристы и др. «темные» личности, прикрепленные к реалиям тюрем, бараков,

вокзалов, становятся персонификацией современной жизненной реалии. Они исполняют зеркальные, характеризующиеся разрушением собственного Я, функции, противоположные по отношению к аласным созидающим персонажам.

Стихией молодежной массы, без сомнения, обусловлено и такое типично городское явление, как повышенная социальная активность (влекущая общественные преобразования, волнения, перевороты), которое становится одним из знаковых отличительных признаков урбанистического мира 90-х гг. XX в., периода разрухи и смуты. Вспомним, что радикальные изменения в мире начинаются именно с городских арен и площадей.

Модель апокалиптического города, довольно четко выстроенная еще в произведениях первых якутских писателей, в полном объеме формируется в якутской прозе конца XX в. Для персонажей повести Е.П. Неймохова «Сайсары күөлгэ түбэлтэ» («Случай на озере Сайсары», 1988) город – это пространство временного пребывания: ряд временщиков-золотоискателей, мигрантов, приехавших в Якутск за «длинным рублем», пополняют безработная молодежь, студенты, также оказывающиеся в городском пространстве на короткий промежуток времени. «Чехов уулуссатынаабы ас маҕа-һыыныгар кириитэхсыйы хойдубут, сэргэстэнэ арыгы атыылыыр маҕаһыын иннигэр төбүрүүннээбит түөрт-бизэс уолу харабын кырытынан көрө-көрө, Захар Захарович маҕаһыыннар иннилэринэн ааста: “Итинник уолаттартан киһи арааһы куутуөн сөп”». («У продуктового магазина на улице Чехова толпились люди. Захар Захарович, краем глаза наблюдая за четырьмя-пятью молодыми людьми, стоящими у алкогольного ларька, прошел мимо. От них можно ожидать чего угодно...») [см. по: Неймохов, 2013, с. 32] (пер. наш. – С.К.(Н.)).

Любопытно, что в литературе 1990–2000-х гг. восприятие образа студента претерпевает существенные изменения – студенты 90-х гг. XX в. – это субъекты с другим нравственно-личностным укладом, иными ценностными установками в отличие от студентов 50–60-х гг. XX в. Модель ролевого поведения студента предыдущих поколений, *открытого, любознательного, дружелюбного*, сменяется на полярные роли *закрытого, сомневающегося, спорящего, агрессивного*

типа студента, образ которого далее сформирует типичное городское явление – толпу (столпотворение, массу, сброд и пр.), опасную тем, что толпа наполняет улицы беспокойством, недовольством, хаосом.

Человек улицы срачивается с улицей, растворяется в ней, исчезает, как это происходит с главным персонажем Е.П. Неймохова: «*Утары иһэр дьонтон ким да хараҕа киниэхэ хатанан ааспат. Давыдов эмискэ көстүбэт киһи буолан хаалбыттыы сананна, кини барыларын көрөр, оттон кини кимиэхэ да көстүбэт, бу дьылэри кытта дьизэ, суолу кытта суол буолбукка дылы*». («Люди, встречающиеся ему на пути, не обращают на него ни единого взгляда. Давыдову почудилось, что он превратился в невидимого человека, от его взгляда не ускользает ничего, он видит всех прохожих, а его самого никто не может рассмотреть, он словно растворился среди этих домов и улиц») (пер. наш. – С.К.(Н.)) [Там же, с. 109]. Как видно, уличная топология представлена в качестве места экзистенциального порога, ярко обнажающего душевное состояние современного человека.

В якутской литературе конца 90-х гг. XX в. темная (тенева) сущность города начинает выделяться особо явственно – на фоне активных трансформаций общественного сознания начинает формироваться новое состояние литературы. Противоположную сторону города и роль в нем мрачных субъектов урбанистической реалии (надзирателей, палачей, следователей, тюремщиков, заключенных), большей частью относящихся к ночной, малоизвестной стороне жизни города, можно будет проследить в атмосфере города-тюрьмы в повестях Г.И. Борисова «Из света во тьму» (1992), «За колючей проволокой» (1993), «Годы ссылки» (1994), романе-эссе В.С. Яковлева-Далана «Дьылҕам миэнэ» («Судьба моя», 1994).

В отношении творчества В.С. Яковлева-Далана правомерно использование понятия перевернутости, через проекцию которого городской текст наполняется новым смысловым содержанием: от города света в романе «Друг, взойди на зеленые холмы» (1991) городская реальность трансформируется в город-тюрьму («Судьба моя», 1994). Перевернутость обуславливает раскрытие другой стороны реальности – изнаночной реалии Якутска.

В первом романе писателя город предстает в положительном аспекте как олицетворение новой светлой жизни и, помимо понятия центра, включает ассоциативные ряды *верха, неба, света*: Сергелях, многоэтажные дома, студенчество, молодость, наука, свет, огни Якутска, просторы и пр. Город способствует реализации внутреннего потенциала героя романа, студента исторического отделения пединститута, молодого интеллектуала Ньургун Туласынова, активно «восходящего на высоты» жизни и «окрыленного» духом советского абсолютизма в городе света (молодости, радости, учебы) вместе со своими друзьями Уолан Уйгуровым, Леной Соболевой, Евстафием Отчуновым, Колей Никитиным и др. Этой динамике героя способствует городская атмосфера – жизнь в студгородке Сергелях, университетские лекции профессора Кынтаярова, светлые просторы Якутска.

Мир перевернутый, казалось бы, реально невозможный, абсурдный, открывает свои двери перед главным героем романа студентом Василием Яковлевым 10 апреля 1952 г. Тюрьма как локус для отчуждения человека представляется для вдохновенного студента пединститута чужим пространством, открывающим теневые стороны Якутска, и символизирует страшную, разрушающую сторону бытия.

Двойственность, проявляющаяся в устройстве политической системы страны, личной природы человека, обнажает темную сущность советской действительности. Фальшивые маски, воображаемые идолы, ложные лозунги становятся атрибутами того, оставшегося за дверьми весеннего Якутска, широкие, светлые улицы которого, на первый взгляд, полны студентов, взбудораженных ученическими заботами и юношескими радостями.

Степень авторской рецепции образа города далекого 1952 г. имеет довольно четкие координаты: по мере углубления в текст меняется и трансформируется облик родного города, и постепенно проступают очертания неизвестного города-тюрьмы. Карта нынешнего города, состоящая из улиц, переулков, домов, различных зданий, предельно точно накладывается на карту города 50-х гг. XX в. Эти призрачные очертания города-тюрьмы, умело задекорированные в современное обличье современного города, изредка могут выпускать темных чудовищ –

сквозь нынешние очертания города вновь проявляются черные фигуры, пугающие тени, знакомые контуры внутренней тюрьмы, не давая о себе забыть бывшему узнику [Яковлев-Далан, 1994, с. 256].

В романе В.С. Яковлева-Далана топология лабиринта непосредственно будет связана с узкими мрачными коридорами-лабиринтами внутренней тюрьмы на улице Дзержинского, куда водили узников на ночные допросы, очные ставки, в карцер или на расстрел. Подземные коридоры-лабиринты внутренней тюрьмы ГПУ, ведущие в «никуда», в «темноту», где решались судьбы многих узников, символизируют катастрофичность и трагичность всей системы сталинской репрессии: «*Кини камераларыттан быһа соробор сир аннынаабы холлорооннорунан уборнайга, амбулаторияҕа, прогулка онгорор сиргэ, карцерга, следователлэр кабинеттарыгар, ытар подвалларыгар илдьиэххэ сөп буолар эбит. Киниттэн сатаан куотар кыах суох буолара*». (Из камер внутренней тюрьмы по подземным лабиринтам заключенных уводили в уборную, амбулаторию, карцер, в кабинеты следователей, подвалы для расстрела. Оттуда выйти было невозможно) [Там же, с. 25] (пер. наш. – С.К.(Н.)).

Таким образом, можно заключить, что структура апокалиптического города в якутской прозе конца XX в. достаточно четко сформирована. Характерные свойства урбанистического облика Якутска как «Города на костях» типологически могут быть обозначены в таком виде:

- локации *тюрьмы, психиатрической больницы, публичных домов, кабаков, ночных клубов* и т.д., а также *кладбищ, крематориев* и т.д.;

- образы уличной топологии как основной составляющей «города-лабиринта» – *улочек, улиц, переулков, перекрестков, проспекта, закоулков, обочин, тупиков*;

- персонажи городского пространства: *студенты, горожане, рабочие, безработные, бродяги, пьянчуги, хулиганы, проститутки* и др.;

- лейтмотивы: *мотивы поиска, потери, смерти, обреченности, исчезновения* и др.

Таким образом, художественно-культурные элементы, состоящие из апокалиптических мотивов и образов, из которых логически складывается одна из ипостасей неповторимого культурного портрета Якутска как «Города на ко-

стях», находящегося на краю (земли, вселенной, у бездны), органически аккумулируются в единый городской текст, который вполне может претендовать на самодостаточность своей специфичностью на фоне других локальных текстов. Централизуясь вокруг смыслового ядра «Город», данные оригинальные элементы, сотканые из генетических, материальных, историко-культурных, поэтических параметров, образуют уникальную автономную реальность города на Севере, в центре которой всегда находится идея человека как высшей ценности.

Как нам кажется, рекомендуемый нами в качестве самостоятельной вариативной единицы якутский «городской текст» имеет право на полноправное бытование в ряду других «текстов». Якутский городской локальный текст как единая художественно-культурная система вполне может претендовать на самодостаточность своей специфичностью на фоне других локальных текстов, так как представляет собой художественное единство сложного структурного уровня, где включены в единое целое ландшафтные характеристики, образы природы, роль и место человека, и, конечно же, весь ментальный образ мира народа саха, которые в совокупности воспроизводятся через индивидуально-авторское, субъективно-личностное Я автора-якута, носителя национального самосознания.

Литература

Бурцева Ж.В. Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. – Новосибирск: Наука, 2014. – 132 с.

Гоголев И.М. Иэйэхсити кэлэтии: роман. – Якутск: Бичик, 1993. – 272 с.

Гоголев И.М. Манчаары: роман. – Якутск: Бичик, 2001. – 360 с.

Данилов С.П. Киһи биирдэ олорор: роман в 2 ч. – Якутск: Як. кн.изд-во, 1973. – 272 с.

Ильмухин В.Н. Городская сфера как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2014. – С. 87–97.

Кириллина М.А. Якутская комедия: типология и жанровая динамика. – Новосибирск: Наука, 2014. – 116 с.

Лихачев Д.С. Воспоминания. – СПб.: Logos, 1995. – 519 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2001. – 704 с.

Мыреева А.Н. Якутский роман 70–90-х годов XX века. Традиции и новации. – Новосибирск: Наука, 2014. – 116 с.

Неймохов Е.П. Сайсары күөлгэ түбэлтэ. – Якутск: Бичик, 2013. – 224

Ойунский П.А. Талылыбыт айымнылар. – Т. 2. – Якутск: Бичик, 1993. – 442 с.

Окурокова В.Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии: в 2 ч. Ч. 1. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2001. – 68 с.

Петров П.П. Градо якутские православные храмы. – Якутск: Бичик, 2000. – 96 с.

Петров П.П. Улицы и площади Якутска. – Якутск: Бичик, 2002. – 112 с.

Соловьев В.С.-Болот Боотур. Уһуктуу: роман. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1987. – 640 с.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избр. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие. – М.: Академия, 2009. – 336 с.

Яковлев В.С.-Далан. Дьылҕам миэнэ. – Якутск: Бичик, 1994. – 448 с.

S.E. Karmanova (Noeva)

Yakutsk as existential threshold in Yakut prose of the XX century

The relevance of this article is dictated by the need to study the cultural landscape of Yakutsk on the artistic material of XX century Yakut prose as a segment within which the unique quality of the national world is most clearly revealed. In this regard, the scientific novelty of the article is obvious: it consists in the need to comprehend one of the authentic and meaningful models of the Yakut city text – the “Cities on Bones” model, as a semantic structure that manifests itself in the constancy of images, universals with a cultural, historical, mental community and united in a single art system. The study of the image of the apocalyptic Yakutsk, which has not yet been developed in detail in Yakut literary criticism, is argued by the idea of an apocalyptic city as one of the many models of the Yakut urban text, and is based on a large

artistic material of P.A. Oyunsky, N.E. Mordinova-Amma Achchigyya, I.M. Gogolev, V.S. Soloviev-Bolot Bootur, V.S. Yakovleva-Dalan, E.P. Neymokhova et al. Conceptually, this work is based on scientific views on local texts, which in their essence are understood much wider than urban texts, suggesting, in addition to the urban text, the inclusion of both “alas” text and liminal chronotope, creating artistic models of space, complementing and adjoining each other in a single Yakut text . In the context of the declared theme, a new semantic activity is carried out to study the image of the novel hero, whose consciousness is extremely responsive to modifications of the surrounding landscape. The author’s position is dictated by the actualization of the problem of human self-identification in a huge urban space, which appeared as an existential threshold, where in the process of determining personal boundaries a choice situation is created that creates the concept of “friend or foe”, internal-external, light-dark in the spectrum of spatial and axiological landmarks et al. A special interpretation of novelty in the context of this article is the inversion category, which justifies the artistic organization and all the Yakut of the world, but rather mirror the provisions of the city and alas, compositionally-story foundation works, the whole spectrum of national and poetic imagery. Given the limited amount of article publication, the notion of inversion is considered within the scope of this article in relation to ambivalent images of space.

Keywords: Yakut city text, “City on bones”, an inverted world, street topology, existential line.

